

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Книжные заметки и известия

Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 3. С. 500-511.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Книжныя извѣстія и замѣтки.

Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Сочиненіе Эме Пюшъ, *удостоенное преміи французской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ.* Перев. съ франц. А. А. Измайлова. I—XIV + 1 — 349. СПб. 1897 г.

Въ послѣдніе годы въ западной литературѣ появилось немало изслѣдованій, посвященныхъ характеристикѣ великой личности св. Іоанна Златоуста. Изъ нихъ особенно должно быть отмѣчено сочиненіе, заглавіе котораго только что нами приведено. Написанное по предложенію „французской Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ“, данное изслѣдованіе, какъ удовлетворившее требованіямъ Академіи, „было удостоено“ ею „преміи“. Уже это одно обстоятельство говоритъ въ пользу несомнѣнныхъ достоинствъ сочиненія, какими послѣднее дѣйствительно и обладаетъ. Имѣя въ виду „изслѣдовать по твореніямъ св. Іоанна Златоуста, каковы были нравы его времени, и рассмотреть съ нравственной точки зрѣнія способъ его сужденія о нихъ“, авторъ выполнилъ свою задачу блестяще. Не удивительно, поэтому, что данное изслѣдованіе уже успѣло обратить на себя вниманіе нашихъ русскихъ ученыхъ. Такъ, отзывчивый на всѣ новыя явленія въ научномъ (не только богословскомъ) мірѣ проф. А. П. Лоцукинъ уже въ 1895 году въ примѣчаніи къ своей статьѣ: „Св. Іоаннъ Златоустъ и семейная жизнь его времени“ (Христ. Чт. 1895 г., мартъ—апрѣль; стр. 225) писалъ: „источникомъ“ для статьи „служили всѣ вообще творенія св. І. Златоуста..., различными монографіи и изслѣдованія и преимущественно новое сочиненіе: A. Puech, St. Jean Chrysostome et les moeurs de son temps. Paris. 1891“. Подобно почтенному профессору, на данное изслѣдованіе Пюша обратилъ свое вниманіе и г. Измайловъ, предложившій его въ русскомъ переводѣ, только-что появившемся въ печати.

Сочиненіе начинается „предисловіемъ“, гдѣ говорится объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе его, о задачахъ и

намѣреніяхъ автора, объ его „взглядахъ на сущность своей работы“ и проч. За предисловіемъ слѣдуетъ уже выясненіе поставленнаго себѣ Пюшемъ вопроса. Это выясненіе ведется въ шести отдѣльныхъ главахъ. Содержаніе ихъ таково: Антиохія и Константинополь (стр. 1—37), классы общества (стр. 38—86), семья (87—156), религія (157—272), зрѣлища (273—297) и дворъ и государство (298—326). Затѣмъ предлагается заключеніе, подводющее итоги изслѣдованія (327—349). Распределеніе главъ, какъ видимъ, „не хронологическое“, а стоитъ въ зависимости отъ „порядка матеріала“, легшаго въ основу изслѣдованія. Св. Іоаннь Златоустъ—величайшій „церковный ораторъ“, стоящій выше сравненій съ нимъ кого-либо другого. „Его проповѣдь—чисто практическая и житейская..., мы не найдемъ у него ни одной бесѣды, ни одного трактата, гдѣ-бы онъ прямо не обличалъ какого-либо порока, наиболѣе общаго руководимой имъ паствѣ...; о безплодной тратѣ краснорѣчія здѣсь не можетъ быть и рѣчи“... Отсюда вполне естественно желаніе Пюша сначала „изобразить проповѣдника предъ его аудиторіей, съ цѣлю опредѣлить способъ проповѣдничества одного и показать настроенность другой. „Такимъ образомъ“, говоритъ авторъ, „мы можемъ съ самаго начала установить различіе между частнымъ характеромъ антиохійскихъ и византійскихъ слушателей“. За первой главой естественно и слѣдуютъ главы, рассуждающія о „классахъ общества, семьѣ и религіи“. То обстоятельство, что рѣчи о „зрѣлищахъ“ отведена также „особая глава“, объясняется очень просто, если припомнить, какое „видное мѣсто“ они „занимали въ жизни того времени“. Въ шестой, слѣдовательно, уже „последней главѣ“ авторъ намѣренъ „соединить все то, что поистинѣ новаго и особеннаго представляютъ годы епископства св. Іоанна и что даже не намѣчалось въ его антиохійскій періодъ“. Что касается, наконецъ, „заключенія“ сочиненія, то здѣсь вполне у мѣста, „съ одной стороны, изслѣдовано, какіе могли быть практическіе результаты проповѣди св. Златоуста, а съ другой, выяснены истинныя основы его морали и ясно показанъ созданный имъ идеаль, который онъ съ такою вѣрою и мужествомъ старался, насколько возможно, осуществить въ современномъ ему обществѣ“. Подобнымъ образомъ распределяя подлежавшій изученію матеріалъ, Пюшъ не надѣется, однако, что это распределеніе будетъ безукоризненно во всѣхъ частностяхъ. Онъ, по его мысли, былъ-бы доволенъ, еслибъ, по крайней мѣрѣ, общій планъ сочиненія отвѣчалъ своей цѣли. Нельзя не признаться, что такія скромныя желанія автора нашли полнѣйшее ихъ осуществленіе въ предлагаемомъ имъ изслѣдованіи.

Книга написана Пюшемъ живо и увлекательно. О какой-либо сухости здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи. И, не смотря на это, сущность дѣла отъ того не страдаетъ ни мало: всѣ, затрогиваемые авторомъ, вопросы находятъ въ

книгѣ серьезное и научное раскрытіе, не оставляя въ читателѣ никакихъ, сколько-нибудь существенныхъ, недоумѣній. Какой отдѣлъ изъ вошедшихъ въ составъ книги читается съ большимъ сравнительно интересомъ, сказать трудно. Вмѣсто того можно сказать лишь слѣдующее: разъ взявъ данную книгу въ руки, съ немалыми усилиями можно оторваться отъ нея,—до такой степени она сразу завладѣваетъ всѣмъ вниманіемъ читателя! Ее можетъ читать всякій, находя что-либо поучительное для себя: богачи, ремесленники и бѣдняки, дѣвственники и вступившіе въ бракъ, вдовцы, монахи, рабы, свободные и проч. и проч. Проповѣдь св. Іоанна Златоуста касалась всѣхъ сторонъ жизни его времени. Жизнь нашего времени, не смотря на то, что ее отдѣляютъ отъ той цѣлыхъ пятнадцать вѣковъ, во многомъ съ тою параллельна и если изъ проповѣди св. отца извлекали себѣ огромную пользу его современники, то не малую пользу извлекутъ изъ нея и наши современники. Это положеніе не нуждается въ обоснованіяхъ. Для нѣкоторой иллюстраціи его укажемъ лишь на одно обстоятельство: на ту отзывчивость, какую проявляетъ въ настоящее время русскій читающій народъ въ отношеніи къ издаваемому при спб. дух. академіи русскому переводу твореній св. Іоанна Златоуста. Этотъ, отмѣчаемый нами, фактъ, когда, при-томъ, читающіе творенія св. отца и услаждающіеся ими желаютъ, чтобъ тоже наслажденіе получали и другіе, которымъ оно не по средствамъ, и для этого жертвуютъ даже немалыя суммы (напр., въ 5000 р.),—говорить въ пользу высказаннаго нами выше положенія краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Не думая останавливаться на отгѣненіи болѣе или менѣе выдающихся страницъ разсматриваемаго сочиненія, такъ какъ подобное отгѣненіе пришлось-бы сдѣлать по отношенію къ большинству страницъ изслѣдованія, мы вмѣсто того можемъ рекомендовать всякому всего лучше познакомиться съ дѣломъ по самой разбираемой книгѣ. Не можемъ, однако, воздержаться отъ искушенія привести заключительныя слова ея автора: „мы видимъ“, говоритъ онъ, „въ св. Іоаннѣ первомъ изъ тѣхъ великихъ людей, какихъ имѣла церковь почти во всѣ вѣка своего существованія. Эти люди умѣли возвратиться къ духу первоначальныхъ временъ христіанства и... трудились только надъ исправленіемъ нравовъ. Начиная съ эпохи перваго христіанскаго поколѣнія и кончая вѣкомъ францисканскихъ началъ, мы не знаемъ никого, кто-бы болѣе его употребилъ искреннихъ усилій, съ цѣлію провести во все общество,—отъ самыхъ возвышенныхъ до самыхъ низшихъ его классовъ,—истинныя основы христіанства во всей ихъ силѣ и чистотѣ... Св. Златоустъ былъ одинаково почитаемъ всѣми христіанскими направленіями..., онъ одинаково достоинъ всѣхъ тѣхъ, кто, независимо отъ своего взгляда на догматы, смотритъ на евангельскую мораль, какъ на высо-

чайшій идеаль, какой когда-либо былъ предложенъ людямъ. Если тотъ духъ истины и любви и то милосердіе, которое его одушевляло, должны и въ будущемъ... внушать всѣ великія дѣла и всѣ великія мысли, то св. Златоустъ останется всегда однимъ изъ прекраснѣйшихъ нравственныхъ примѣровъ, какіе только можетъ созерцать человѣчество. Онъ обладалъ... качествами, совмѣщать которыя можетъ только великая душа, и которыя были дивно соединены въ Божественномъ Учителѣ..., т. е. мужествомъ тѣхъ дерзновенныхъ людей, которые восхищаютъ небо, и святою кротостью смиренныхъ... Онъ былъ безжалостенъ ко грѣху, исполненъ милосердія къ грѣшнику“.

О самомъ переводѣ книги и ея переводчикѣ можно сказать слѣдующее. По словамъ переводчика, онъ „счелъ себя вправѣ опустить тѣ (впрочемъ, весьма незначительныя по размѣру) мѣста, гдѣ авторъ дѣлаетъ ссылки на малоизвѣстные факты французской исторіи, или употребляетъ національныя сравненія, совершенно чуждыя, а иногда и вовсе непонятныя русскому читателю“. Такъ-какъ книга предназначена для русской публики и для такой, между прочимъ, которая съ французскою исторіею и т. под. незнакома, то отмѣченное отношеніе переводчика къ дѣлу вполне понятно и резонно. „Нѣсколько болѣе значительные пропуски переводчикъ“, по его словамъ, „сдѣлалъ, руководствуясь вѣроисповѣдными причинами“. Если имѣтъ въ виду особенно послѣдняго рода читающую публику, то нельзя не похвалить его и за это. „Довольно многочисленныя примѣчанія автора, тамъ, гдѣ было уместно и удобно, введены въ текстъ или сохранены подъ строкой; подстрочная цитация заимствуемыхъ изъ твореній св. Іоанна выдержекъ устранена, въ видахъ экономіи мѣста“. Все это—обстоятельства понятныя и не возбуждающія недоумѣній, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ.—Мы сличили нѣсколько, случайно взятыхъ, страницъ перевода съ оригиналомъ и убѣдились, что переводчикъ стоитъ на подобающей высотѣ и заслуживаетъ одобренія. Языкъ перевода — чистый, строго-литературный. Благодаря этому, переводъ читается легко и съ пріятностію. Желательно, чтобъ г. Измайловъ продолжалъ и въ будущемъ дарить публику подобными своими переводами, способность къ которымъ онъ нынѣ показалъ какъ нельзя болѣе наглядно.—Переводъ изданъ извѣстнымъ нашимъ книгопродавцемъ г. Тузовымъ. Вѣнность изданія вполне удовлетворительна, а цѣна за 23 печатныхъ листа назначена очень скромная: всего 1 рубль.—Словомъ, книга заслуживаетъ быстрого и широкаго распространенія.

А. Бронзовъ.

Христіанство и исторія. Лекція, читанная профессоромъ церк. исторіи въ Берлин. университетѣ Адольфомъ Гарнакомъ. 1896 ¹⁾

Странное впечатлѣніе производятъ на свѣжаго читателя сочиненія новѣйшихъ корифеевъ богословской мысли въ протестантской Германіи. Къ нимъ обращаешься какъ къ свѣтиламъ, которыя должны внести свѣтъ разума въ теperешнюю смуту умовъ, а между тѣмъ въ дѣйствительности они только еще болѣе усиливаютъ эту смуту, помрачая и тѣ проблески здраваго міровоззрѣнія, какія могутъ сохраняться въ душѣ современнаго человѣка. Такое именно впечатлѣніе производитъ эта лекція „знаменитаго“ профессора церковной исторіи берлинскаго университета Гарнака. Правда, его „ортодоксія“ сильно скомпрометировалась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ поднялъ цѣлую бурю въ Германіи своими крайними взглядами на „Апостольскій Символь“; но съ того времени поднятое имъ возбужденіе повидимому улеглось, страхи поутихли, и потому когда Гарнакъ выступилъ съ лекціей на такую благодарную тему, какъ „Христіанство и исторія“, то съ правомъ можно бы ожидать, что недюженый профессоръ-историкъ подаритъ мыслящихъ слушателей и читателей здравой и глубокой оцѣнкой положительнаго значенія христіанства въ исторіи. Съ этою именно мыслью мы и приступили къ чтенію этой лекціи, выдержавшей уже въ самое короткое время три изданія и переведенной на нѣсколько иностранныхъ языковъ, и—увъ!—встали послѣ чтенія ея съ чувствомъ не только полной неудовлетворенности, но и глубокоцемящей боли въ глубинѣ души... Трудно и сказать, что это собственно за лекція. Совѣтъ она носитъ характеръ апологіи христіанства и старается жалкими словами выдвигать всемірно-историческое значеніе христіанства, а по существу это туманно-раціоналистическое расшатываніе послѣднихъ основаній, какія еще остаются у христіанства. Достаточно сказать, что авторъ не обинуясь отрицаетъ всѣ четыре Евангелія съ содержащимися въ нихъ основными христіанскими догматами, какъ сверхъ-естественное рожденіе Христа и даже Его воскресеніе! Какъ бы самъ испугавшись этого крайняго отрицанія, Гарнакъ старается найти для себя историческую опору въ измышленномъ имъ „пятомъ евангеліи“, нашедшемъ себѣ выраженіе въ „единодушномъ свидѣтельствѣ первенствующей общины христіанъ“, — въ томъ „впечатлѣніи“, которое произведено было на нее Христомъ и которое сохранилось-де неприкосновеннымъ въ теченіе восемнадцати вѣ-

¹⁾ Das Christentum und die Geschichte. Ein Vortrag von D. Adolf Harnack, Leipzig 1896 (3 Auflage).

ковъ, — но эта оговорка есть лишь жалкая попытка создать что-то такое изъ обломковъ разрушеннаго зданія. Хорошо бы еще, если бы Гарнакъ понималъ подъ этимъ „пятьмъ евангеліемъ“ *вселенское преданіе*, какъ понимаетъ и хранитъ его вселенская церковь, но нѣтъ, это—простое „впечатлѣніе“, и больше ничего! А это „впечатлѣніе“ тѣмъ болѣе странно, что авторъ не признаетъ исторической достовѣрности за тѣми фактами, которые могли бы произвести это впечатлѣніе. — Вообще лекція Гарнака, какъ продуктъ современной нѣмецкой туманной теологіи, производитъ не только странное, но и тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ, видимо, въ концѣ концовъ приходитъ къ безотрадному выводу, что почва подъ нимъ положительно ускользаетъ, и онъ своимъ блужданіемъ по дебрямъ туманнаго мудрованія доказываетъ только одно, что въ послѣднее время не только свѣтская литература страдаетъ тѣмъ дряблымъ, беспочвеннымъ направленіемъ, которое получило характерное названіе „декаденства“, но что это направленіе оказало свое пагубное вліяніе и на нѣмецкую теологію, и лекція Гарнака есть поразительный и очевидный образчикъ этого богословскаго „декадентства“. Въ его лекціи утѣшительно развѣ только одно, что велеученый мужъ, побродивъ по дебрямъ туманнаго критицизма и перетолковавъ по своему всѣ сообщаемыя въ евангеліяхъ событія, въ концѣ концовъ, какъ бы въ сознаніи бесплодности своего хитросплетенія, пришелъ къ тому заключенію, что подробности въ Евангеліяхъ „быть можетъ“ въ концѣ концовъ и „дѣйствительно истинны!“ Спасибо и на томъ. Съ этого бы собственно и слѣдовало начать, и тогда туманъ, заволакивающий основную мысль автора, разсѣялся бы самъ собою.

А. Лопухинъ.

Воссоединеніе христіанскаго міра. Англиканская и восточная церкви. Лекція, читанная достопочт. *І. Ф. Кершо* въ Вустерскомъ духовномъ обществѣ¹⁾).

Эта лекція представляетъ собою одинъ изъ плодовъ того знаменательнаго движенія, которое проявилось въ послѣднее время особенно стремленіемъ къ сближенію между независимыми отъ Рима церквами и въ частности между православною и англиканскою церквами. Авторъ ея — горячій сторонникъ сближенія между ними, и въ этихъ видахъ прочелъ лекцію, въ которой старался ознакомить своихъ слушателей, а затѣмъ и читателей съ особенностями православнаго вѣроученія въ сопоставленіи его съ англиканскимъ. Отъ небольшой лекціи невозможно, конечно, требовать обсто-

¹⁾ The Reunion of Christendom. The Anglican and the Eastern Churches. A paper by Rev. I. F. Kershaw, London 1896.

являющейся, но хорошо и то, что она предисполагает благих намерений и старается разсѣять въ англиканахъ разные предубѣжденія противъ православной церкви, напр. въ вопросахъ о нечитаніи иконовъ, призваніи святыхъ, о таинствахъ и пр. Нельзя сказать, чтобы авторъ вездѣ строго выдерживалъ точку объективности; но въ общемъ его лекція будетъ далеко не лишней каплей въ томъ долбленіи, которое обѣщаетъ мало-по-малу разрушить въковой камень преткновенія, лежащій на пути къ воссоединенію христіанскаго міра.

А. Л.

Гоненіе на христіанъ въ Россіи въ 1895 г. предъ судомъ графа Льва Толстого. Берлинъ 1896 ¹⁾. Стр. 1—40.

Всѣ, конечно, привыкли думать, что времена гоненій на христіанъ уже давно миновали и ограничивались лишь первыми тремя вѣками—при языческихъ императорахъ, до вступленія на престолъ Константина Великаго. Оказывается, всѣ ошибались въ этомъ: „гоненіе на христіанъ“, какъ видно изъ заглавія разсматриваемой брошюры, не прекратилось доселѣ и происходило еще въ 1895 году, и гдѣ же?—въ православной Россіи!! Такъ по крайней мѣрѣ повѣствуетъ объ этомъ нашъ „знаменитый“ писатель графъ Л. Н. Толстой. Что же это за „христіане“, на которыхъ ополчилась Россія? Оказывается, что это—духоборцы, недоразумѣніе съ которыми было въ свое время предметомъ оживленныхъ толковъ печати. Что между правительствомъ и сумасбродными сектами, отказывающими въ повиновеніи государству даже въ самыхъ элементарныхъ требованіяхъ общественнаго долга, всегда возможны столкновенія и что правительство имѣетъ право и даже обязано укротить необузданный фанатизмъ и принудить непокорныхъ къ повиновенію своимъ установленіямъ, составляющему необходимое условіе всякаго общественно-государственнаго порядка—этихъ истинъ еще не отрицала никакая государственная мудрость, кромѣ развѣ той, которая страдаетъ „идеей фиксъ“ туманной теоріи „непротивленія злу“; что равнымъ образомъ возможны въ этихъ столкновеніяхъ и промахи со стороны агентовъ самого правительства (вѣдь оно, какъ и всякое челов. учрежденіе, не притязаетъ на непогрѣшимость!), это также вполне понятно и естественно. Но чтобы эту ничтожную саму по себѣ исторію возводить въ дѣльное событіе съ громкимъ наименованіемъ „гоненія на христіанъ въ Россіи“,—это—воля ваша—значитъ дѣлать изъ мухи слона, раздувать мыльный пузырь въ гору! И къ несчастью, этимъ именно въ послѣднее время частенько сталъ заниматься нашъ „знаменитый“ писатель, именно съ того времени, какъ ему пришла въ

¹⁾ Christenverfolgung in Russland im Jahre 1895, beurtheilt von Graf L. I. (?) Tolstoy. Uebersetz. aus dem Russischen von M. v. O. Berlin 1896.

голову блажнѣйшая мысль заниматься религіозными вопросами. Тутъ вполнѣ оправдывается на немъ басня о „бѣдѣ“ братья за свое дѣло. И „бѣда“ эта была бы еще пожалуй не столь велика, если бы графъ занимался не своимъ дѣломъ только про себя, а не выходилъ съ нимъ на свѣтъ Божій. Нѣтъ, онъ именно хочетъ проповѣдывать съ кровли, о вздутомъ имъ мыльномъ пузырьѣ писать въ англійскіе журналы и газеты, составляетъ особое сочиненіе, которое конечно съ радостью подхватывается нашими недругами, переводится на иностранныя языки, и такимъ образомъ Россія выставляется на позорище всего міра, какъ какая-то страшная „гонимельница христіанъ“!.. Поистинѣ все это грустно, и мы рѣшительно отказываемся понять, какъ своего нелѣпаго положенія не можетъ понять столь несомнѣнно даровитый и образованный человѣкъ, какъ графъ Л. Н. Толстой. Но такова ужъ видно *ослабляющая* сила всякаго фанатизма... А. Л.

Историческое положеніе и задача нѣм. старокатолицизма. соч. доц. Л. Карла Геца, Лейпцигъ 1896 ¹⁾.

Эта маленькая книжка молодого нѣмецкаго ученаго явилась кстати къ 25-лѣтію старокатолическаго движенія въ Германіи. Конечно, литература по старокатолическому вопросу громадна, и всякій желающій серьезно ознакомиться съ исторіей и сущностью этого движенія, найдетъ массу матеріала всякаго рода. Но изученіе этой громадной литературы подсилить только немногимъ специалистамъ, а большинство нуждаются въ краткомъ, простомъ и ясномъ изложеніи исторіи и сущности движенія, и такое-то именно изложеніе и представляетъ названная книжка. Въ ней кратко, но весьма отчетливо и связно излагается исторія движенія и наглядно выясняется задача старокатолицизма, которая опредѣляется не просто какъ протестъ крайностей и злоупотребленій римской церкви, но какъ возвращеніе къ истинной каеодичности древней, единой и нераздѣльной церкви, а также и какъ призывъ всѣхъ христіанскихъ церквей къ единенію на древнехристіанской основѣ. Такъ задача его была опредѣлена и на 2-мъ международномъ старокатолич. конгрессѣ въ Люцернѣ и такъ же она выясняется все болѣе въ „Международномъ богословскомъ журналѣ“. Авторъ подробно доказываетъ, что старокатолицизмъ дѣятельно осуществляетъ свое историческое назначеніе и обѣщаетъ еще больше сдѣлать въ будущемъ. Къ книжкѣ приложена и рѣчь автора, посвященная памяти почившаго перваго старокатолическаго епископа Рейнкенса, и мы вполнѣ присоединяемся къ выраженнымъ въ ней теплымъ чувствамъ уваженія къ высокой личности покойнаго профессора-епископа. Вообще книжка г. Геца можетъ служить хо-

¹⁾ Die geschichtl. Stellung und Aufgabe d. deutschen Altkatholizismus, von Lic. Leop. Carl Goetz, Leipzig 1896 стр. 87.

рошимъ руководствомъ для тѣхъ, кто желали бы безъ особенной затраты времени получить правильное и ясное представление о старокатолицизмѣ, составляющемъ несомнѣнно единственный „свѣтлый пунктъ“ въ сумрачной церковно-религіозной жизни современнаго западнаго міра.

А. Л.

Библейскій словарь, издав. *Ф. Вигуру*, вып. XI, Парижъ 1897 г. ¹⁾.

Только что полученный нами XI-й вып. этого словаря Вигуру, содержащій въ себѣ статьи на слова отъ Colosses до Crocodile, ясно свидѣтельствуетъ, что почтенный издатель ничуть не ослабѣваетъ въ своемъ громадномъ предпріятіи, долженствующемъ дать богословскому міру такой библейскій словарь, который далеко превзойдетъ обстоятельностью, обширностью и даже роскошью изданія извѣстный англійскій библи. словарь Смита (кстати уже и значительно устарѣвшій теперь—во 2-мъ и 3-мъ своихъ томахъ). Статьи по прежнему весьма обстоятельны и представляютъ собою иногда цѣлые трактаты (напр. Confession, Cosmogonie и др.), и богато иллюстрированы снимками (иногда даже въ краскахъ) съ древнихъ памятниковъ. Объ обширности словаря можно судить по тому, что онъ дошелъ только еще до половины *третьей* буквы франц. алфавита (Crocodile), а между тѣмъ составляетъ уже два огромныхъ тома, болѣе чѣмъ по тысячѣ столбцовъ убористой печати въ каждомъ! Трудно и представить себѣ, сколько же томовъ или тысячъ столбцовъ будетъ во всемъ словарѣ!—При видѣ этого громаднаго и чрезвычайно полезнаго изданія, представляющаго позднѣе слово библейской науки, мы не можемъ не поздравить французскую, а вмѣстѣ съ ней и вообще христіанскую литературу съ такимъ славнымъ изданіемъ, а вмѣстѣ и не позавидовать нашимъ друзьямъ—французамъ, такъ далеко опередившимъ насъ въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ искренно желаемъ высокочтимуому ученому аббату благополучно закончить это превосходное литературное предпріятіе.

А. Лопухинъ.

Къ вопросу о пасхальной вечери Христовой. (Notandum къ замѣчаніямъ проф. А. А. Некрасова). Въ своей статьѣ о „Новомъ годѣ“, помѣщенной въ первой книжкѣ „Православнаго Собесѣдника“ за 1897 г. (стрн. 65—78), Казанскій проф. А. А. Некрасовъ далеко не въ первый разъ касается вопроса о днѣ пасхальной вечери и смерти Христа Спасителя. Въ смыслѣ аргументаціи своихъ воззрѣній дѣло

¹⁾ Dictionnaire de la Bible, publié par F. Vigoureux. Fasc. XI, Colosses—Crocodile, Paris 1897, pp. 865—1120.

подвигается у автора довольно туго, и къ новому году онъ не далъ намъ ничего истинно новаго — кромѣ нѣсколькихъ полемицескихъ упрековъ личнаго свойства. Вотъ это-то обстоятельство и заслуживаетъ *нашего* вниманія, потому что касается непосредственно насъ. Проф. А. А. Некрасовъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что „*есть четыре* евангелиста пятицу называютъ первымъ опрѣсочнымъ или первымъ днемъ праздника пасхи“ (— тѣмъ самымъ убѣждая, что пасхальный агнецъ былъ закланъ вечеромъ въ четвергъ по нашему счисленію?)... Но—продолжаетъ онъ—, *нашимъ* противорѣчія у *самихъ* евангелистовъ. Такъ, одинъ изъ современныхъ богослововъ пишетъ: „по ясному свидѣтельству *первыхъ трехъ* евангелистовъ, Спаситель совершилъ вечерю въ должное время, т. е. 14-го нисана, и—слѣдовательно—былъ распятъ въ первый день праздника. *Въ противовѣсъ* этому ап. Іоаннъ не менѣе рѣшительно удостовѣряетъ, что Христосъ возлежалъ съ учениками предъ праздникомъ пасхи (XIII, 1), а утромъ евреи „не вошли (къ Пилату) въ преторію, чтобы не оскверниться, но ѣсть пасху“ (XVIII, 28), которая — значить — должна была быть еще вечеромъ. *Разнорѣчіе* совершенно очевидное и не требующее доказательствъ“. Между тѣмъ святой Іоаннъ Богословъ *говоритъ* нѣчто совершенно иное“ („Прав. Собесѣдн.“ 1897, 1, 70—72; курсивы и вставка въ скобкахъ—наши). Оказывается, что почетнымъ званіемъ „одного изъ современныхъ богослововъ“ проф. А. А. Некрасовъ наградила меня, потому что къ соответствующей выдержкѣ подъ строкой у него имѣется (72, 1) ссылка: „Н. Глубоковский. „О пасхальной вечери Христовой“. Спб. 1893 (Стр. 3 = „Христ. Чтен.“ 1893, № 7—8, стр. 3). Долженъ откровенно сказать, что я не могу считать для себя лестною подобную аттестацию, поскольку она получаетъ у автора ироническій смыслъ или будетъ простымъ его недоразумѣніемъ, ибо какой же богословъ тотъ, кто идетъ вопреки „всѣмъ четыремъ евангелистамъ“?! Выходить, будто я намѣренно „выискиваю“ въ Евангеліяхъ противорѣчія тамъ, гдѣ господствуетъ полнѣйшее согласіе, и извращаю слова Апостола Іоанна, если онъ „*говоритъ* нѣчто *совершенно иное*“... Охотно желаю вѣрить, что такое впечатлѣніе насчетъ моего „богословствованія“ является помимо намѣреній проф. А. А. Некрасова; тѣмъ не менѣе оно слишкомъ мрачно,—и я по-необходимости вынуждаюсь очистить тотъ туманъ, какимъ окуталь меня мой неожиданный оппонентъ... Для этого достаточно лишь немногихъ поправокъ. 1) *Тотчасъ* послѣ приведенной у г. А. А. Некрасова моей цитаты у меня замѣчено: „само собою понятно, что *допустить* его (*разнорѣчіе*) въ *Евангеліяхъ* относительно столь выдающихся и исключительныхъ событій въ жизни Господа *положительно невозможно*“ (ibid., стр. 3); значить, я не „нахожу противорѣчій у *самихъ* евангелистовъ“, а стараюсь устранить ихъ, какъ фактъ, который *только констатирую*. Но вѣрно ли это

мое послѣднее свидѣтельство?—2) Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мнѣ достаточно сослаться на всю литературную исторію (повидимому, совсѣмъ неизвѣстную проф. А. А. Некрасову) по этому предмету, который съ древнѣйшихъ временъ и доселѣ постоянно вызывалъ споры и недоумѣнія. Несомнѣнно поэтому, что *въ немъ есть дѣйствительныя затрудненія*, и никому нѣтъ надобности ихъ „находить“. Основанія для сего даны уже въ словахъ Апостола Іоанна, что „*предъ праздникомъ пасхи* Иисусъ... возлюбилъ Своихъ сущихъ“ (XIII, 1). Ранѣе (въ книгѣ „Чтеніе греческаго текста святыхъ Евангелій“, Казань 1888, стрн. 88. 144—148) это замѣчаніе проф. А. А. Некрасовъ относилъ исключительно къ удаленію Христа въ Ефраймъ (XI, 54), а теперь считаетъ возможнымъ допустить, что оно обнимаетъ „и тайную вечерю съ умовѣніемъ ногъ“ (стрн. 74), почему эти событія будутъ тоже „предъ праздникомъ пасхи“; но съ ними связано (XVIII. 2 сл.) взятіе Господа, которое—по первымъ тремъ евангелистамъ—было „въ день праздника пасхи“... Развѣ это не „очевидное (и для проф. А. А. Некрасова) разнорѣчіе“? 3) И проф. А. А. Некрасовъ не можетъ отрицать, что Ін. XVIII, 28 съ неотразимостію указываетъ, что день распятія не былъ для іудеевъ пасхальнымъ; онъ полагаетъ только, что—въ отличіе отъ „пятницы іудейской“ XIX, 42—латѣка *πέσφα* XIX, 14 означаетъ „пятницу пасхи или пятницу пасхальную, а не обыкновенную и не пятницу предъ пасхою“ (стрн. 71,). Отсюда у него выходитъ, будто и св. Іоаннъ—согласно съ другими евангелистами—считалъ и называлъ день распятія пасхальнымъ. Это предположеніе, всплывавшее иногда въ видѣ быстро лопавашагося пузыря на поверхности моря гипотезъ экзегетической гармонистики, ничуть не измѣняетъ дѣла, поскольку—и по мнѣнію проф. А. А. Некрасова—*эта пятница для всѣхъ іудеевъ (даже для Іосифа и Никодима) была не пасхальною между тѣмъ Христосъ уже совершилъ вечерю пасхальную анца*. Опять разнорѣчіе „совершенно очевидное“, и весь вопросъ лишь въ его устраненіи. Тогда—зачѣмъ навязывать мнѣ „нахожденіе“ того, что и самъ г. А. А. Некрасовъ признаетъ съ такою рѣзкостію, что осмѣливается утверждать, будто „евреи *должны были* праздновать пасху въ пятницу, празднуя же ее въ субботу, *празднуютъ незаконно*“ (стр. 75)—тѣмъ болѣе, что въ іудейскомъ счисленіи новолуній авторъ не можетъ допустить ошибки (стрн. 69—70)?.. Намъ слишкомъ мало интересуетъ это радикальное (и для насъ лично—абсолютно невѣроятное) рѣшеніе, новое развѣ потому, что оно давно забыто,—и мы ограничиваемся простымъ указаніемъ, что и почтенный Казанскій оппонентъ *не менее нашего* принимаетъ существованіе разнорѣчія въ Евангеліяхъ по разсматриваемому предмету, но для объясненія его рекомендуетъ *иные средства*, не принимаемыя ни „однимъ изъ современныхъ богослововъ“.

Послѣ этого мнѣ остается только сказать вмѣстѣ съ проф. А. А. Некрасовымъ (стр. 78) „dixi“, но я не могу прибавить „et animam levavi“ до тѣхъ поръ, пока онъ не засвидѣтельствуетъ, что мои слова въ его замѣткѣ получили совершенно неправильное освѣщеніе, не соответствующее дѣйствительности. Если это случилось не намѣренно, то тѣмъ лучше для него, хотя и не тѣмъ пріятнѣе для меня...

Н. Глубоковскій.

Слб. 1897, II, 15.

Разъясненіе къ отзыву о книгѣ Н. Я. Грота: «Очеркъ философіи Платона» (см. Христ. Чтен.; янв. 1897 г.).

Въ этомъ отзывѣ, мы, между прочимъ, замѣтили, что сдѣланный покойнымъ профес. В. Н. Карповымъ переводъ Платона — не совсемъ полный: въ него не вошли Тимей, Понитикъ, Теэтеть... Наше замѣчаніе привело проф. Н. Я. Грота въ нѣкоторое недоумѣніе, каковое онъ и выразилъ въ своемъ любезномъ къ намъ письмѣ. Между тѣмъ дѣло, какъ мы его представляемъ себѣ, ясно. «Карповскій» переводъ Платона, какъ извѣстно, изданъ въ шести частяхъ, изъ которыхъ 4 первыя части вышли въ 1863 г. въ Слб., а двѣ послѣднія — въ 1879 г. въ Москвѣ. Въ пятой — шестой частяхъ, между прочимъ, и помѣщенъ переводъ вышеупомянутыхъ платоновскихъ сочиненій. Все это намъ, конечно, давно было извѣстно, въ подтвержденіе чего можемъ представить неопровержимое доказательство: свою магистерскую диссертацию («Аристотель и Тома Аквинатъ въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности»). Слб. 1884 г.), гдѣ, напр., на стр. 221 первое подстрочное примѣч. начинается такъ: «Филебъ (въ пер. Карп.) стих. 21 Д, 60 Е, 63 Е»... А между тѣмъ «карповскій» переводъ Филеба помѣщается въ пятой части, въ которой помѣщается, между прочимъ, и вышеназванный «Теэтеть». Теперь спрашивается: почему, зная (а это — несомнѣнно) о переводѣ разсматриваемыхъ діалоговъ «Карповымъ», мы, однако, позволили себѣ сдѣлать вышеотмѣченное замѣчаніе? Дѣло въ томъ, что В. Н. Карповъ, издавъ четыре тома (или части) своего перевода въ 1863 г., умеръ въ декабрѣ 1867 года; хотя «пятой — послѣдній» томъ (можетъ быть, то, что издано въ 1879 г. въ двухъ томахъ), — читаемъ въ некрологѣ В. Н. К. (Христ. Чт. 1868 г. т. I стр. 233), — «переведенъ» былъ имъ, «но покойный не успѣлъ просмотрѣть его окончательно»... Вотъ въ этомъ-то и вся «суть» дѣла. Черезъ 12 лѣтъ по смерти переводчика разсматриваемый томъ (т. е., томы: 5-й и 6-й), однако, является въ печати. Насколько онъ исправленъ неизвѣстною намъ «редакціею» его? Насколько онъ — истинно карповскій? Не знаемъ и не можемъ знать, хотя нѣкоторое освѣщеніе дѣла и находимъ въ предисловіи къ пятому тому. О діалогѣхъ, вошедшихъ въ послѣдній, читаемъ, что «въ переводѣ ихъ не сдѣлано» редакціей, «за спѣшностію работы, никакихъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій противъ рукописи. Поэтому въ V т. остались, быть можетъ, нѣкоторые недосмотры»... «Всѣ примѣчанія, помѣщенные при Тимей и Критіасѣ» (въ VI-мъ т.), «не должны быть приписываемы переводчику»... «Такъ какъ самъ переводчикъ нерѣдко дѣлалъ въ своихъ трудахъ значительныя поправки уже при оконча-

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки